

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2020.5.14

МИГРАЦИЯ В ДИСКУРСИВНОМ ПОЛЕ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: АНАЛИЗ КОНТЕНТА ПУБЛИКАЦИЙ ЖИТЕЛЕЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

MIGRATION IN THE DISCOURSIIVE FIELD OF VIRTUAL SOCIAL NETWORKS: ANALYSIS OF THE PUBLICATIONS CONTENT OF RESIDENTS OF THE ROSTOV REGION

Бинеева Наталья Камильевна

Кандидат социологических наук, доцент,
старший преподаватель,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет;
ученый секретарь,
Южно-Российский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: n.bineeva@gmail.com

Natalia K. Bineeva

Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor, Senior Lecturer,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University;
Scientific Secretary,
South Russian Branch
of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: n.bineeva@gmail.com

В статье представлены результаты пилотажного исследования с использованием метода контент-анализа содержания сообщений пользователей социальных сетей в группах с выраженной региональной при-

The article presents the results of a pilot study using the method of content analysis of the content of social network users' messages in groups with a pronounced regional affiliation. The empirical base was obtained using the me-

надлежностью. Эмпирическая база получена с использованием системы мониторинга СМИ «Медиалогия».

В качестве объектов анализа выбраны 43 группы общения в социальных сетях («ВКонтакте», «Фейсбук», «Инстаграм»); глубина анализа составила 3 мес. В качестве ключевых событий, определявших информационную повестку социальных сетей, явились сообщения в публичном пространстве о политике мигрантоориентированности в российском обществе, создании палаточного лагеря мигрантов, ожидающих отправления поезда в Узбекистан в сентябре 2020 г., локальные происшествия криминального характера с участием представителей разных национальностей. Проведенный анализ позволил выявить качественные характеристики контента виртуальных социальных сетей с выраженной региональной принадлежностью, а также выделить смысловые локусы восприятия мигрантов и миграционных процессов.

В статье сделан вывод о противоречивом характере отношения к мигрантам, с преобладанием негативного восприятия представителей данной социальной группы. При этом структура мнений основана не на прямой (местный житель – мигрант), а генерализованной (местный житель – представитель власти / работодатель / полиция / – мигрант) системе коммуникаций, опосредованной включенностью и деятельностью институциональных структур. Смысловые локусы восприятия мигрантов и миграционных процессов жителями Ростовской области формируются вокруг таких социальных категорий, как «государство», «власть», «политика», «экономические институты», «субъекты экономической деятельности», «естественная убыль населения», «преступность», «пенсионная реформа», «пандемия», «историческая память».

Ключевые слова: миграция; виртуальные социальные сети; Ростовская область; миграционная политика; группы общения.

dia monitoring system “Medialogia”.

43 groups of communication in social networks (VKontakte, Facebook, Instagram) were selected as objects of analysis; the depth of analysis was 3 months. The key events that determined the information agenda of social networks were messages in the public space about the policy of migrant orientation in Russian society, the creation of a tent camp for migrants awaiting the departure of a train to Uzbekistan in September 2020, local crime incidents involving representatives of different nationalities. The analysis allowed us to identify the qualitative characteristics of the content of virtual social networks with a pronounced regional affiliation, as well as to identify the semantic loci of perception of migrants and migration processes.

The article concludes that the attitude towards migrants is contradictory, with a predominance of negative perception of representatives of this social group.

The structure of opinions is not based on direct (local – migrant), and generalized (local – authority / employer / police / migrant) communication system, mediated by the involvement and activity of institutional structures. Semantic loci of perception of migrants and migration processes by residents of the Rostov region are formed around such social facts as “state”, “power”, “politics”, “economic institutions”, “subjects of economic activity”, “natural population decline”, “crime”, “pension reform”, “pandemic”, “historical memory”.

Keywords: migration; virtual social networks; Rostov region; migration policy; groups of communication.

Введение

Ориентация государственной власти на приток квалифицированных мигрантов в российское общество с целью экономического развития страны, заявленная в публичном пространстве летом 2020 г., предполагает реформирование миграционного режима и института гражданства РФ. Эффективность институциональных изменений сопряжена с ценностной легитимацией социальных процессов в обществе, однако, по данным социологических исследований, миграционные процессы не пользуются должной поддержкой россиян. По данным опроса «Левада-центра», проведенного в августе 2019 г., россиян, которые не приветствуют приток иностранной рабочей силы, становится все больше. Если в июле 2017 г. такого мнения придерживались 58 % россиян, в 2018-м – 67, то в 2019 г. – уже 72 %. В рамках данного исследования 64 % респондентов поддержали мнение «мои родственники и знакомые готовы делать работу, которую сейчас выполняют мигранты», а 44 % опрошенных считали, что «большинство мигрантов живут лучше и богаче, чем я и моя семья» (Папия, 2020).

В таком контексте возникает ситуация противоречия между направленностью миграционной политики на привлечение мигрантов в силу запросов со стороны экономики и процессов естественной убыли населения страны, с одной стороны, и неоднозначной реакцией принимающего сообщества при сохранении институциональных препятствий, связанных, в частности, с получением гражданства для этнических русских, переехавших в Россию, – с другой (Рязанцев, 2019).

В качестве цели данной статьи ставилось выявление смысловых локусов на основе пересечения содержательных и эмоциональных характеристик миграционных процессов и мигрантов в представлениях пользователей социальных сетей в контексте изменений миграционной политики в российском обществе при сохранении негативной коннотации повседневного уровня восприятия мигрантов.

Достижение цели осуществлялось решением исследовательских задач, среди которых необходимо выделить: 1) определение институциональных и социально-демографических условий формирования контента виртуальных социальных сетей; 2) выявление качественных (содержательных и эмоциональных) характеристик контента виртуальных социальных сетей, группы общения в которых имеют выраженную региональную принадлежность (например, «Говорит Ростов», «161.ru», «Подслушали в городе Шахты» и т. д.); 3) выделение смысловых локусов восприятия мигрантов и миграционных процессов в дискурсивном поле виртуальных социальных сетей.

Методы

При получении результатов, представленных в статье, использован нереактивный метод исследования, применение которого позволило изучить большой объем текстового материала с использованием выборки объектов блогосферы, групп общения в социальных сетях и кодирования на основе ключевых слов, отражающих предметное поле исследования.

Последующий анализ контента сообщений, отражающих коллективные представления жителей Ростовской области, на основе использования цифрового следа пользователей социальных сетей в Интернете позволил извлечь мнения и проанализировать тональности текстов сообщений и комментариев жителей региона.

В рамках проведенного исследования под дискурсивным полем виртуальных социальных сетей понималось поле, в границах которого происходило социальное взаимодействие жителей Ростовской области, обусловленное условиями виртуальной реальности, позволяющее определять миграционные процессы или их отдельные аспекты в соответствии с пониманием/непониманием происходящих в региональном сообществе событий на основе общего категориального аппарата языка повседневного общения.

Эмпирической базой исследования являлись отдельные публикации: сообщения, комментарии в группах с однозначно выраженной региональной и территориальной принадлежностью.

Материал был получен с использованием системы мониторинга СМИ «Медиалогия». Глубина анализа составила 3 мес. (с 1 августа по 6 ноября 2020 г.). Единица анализа – сообщение и комментарий к сообщениям. Общее количество проанализированных групп – 43. В качестве основных критериев выбора групп для анализа были выбраны однозначно выраженная региональная и территориальная принадлежность, отраженная в названии групп («Говорит Ростов»: <https://vk.com/govorit.rostov>, «161.py»: <https://161.ru/>, «Подслушали в городе Шахты»: https://vk.com/podslushano_shahty и т. д.), большое количество подписчиков; актуальность и активность группы, при которой текущие сообщения соответствуют моменту анализа, имеются комментарии, а также русский язык в качестве языка общения участников анализируемых групп.

Институциональные и социально-демографические условия формирования контента блогосферы и виртуальных социальных сетей

Согласно статистическим данным и экспертным отчетам, активная миграция характерна для граждан бывших советских республик Закавказья и Средней Азии, что подтверждается данными о получении гражд-

данства России гражданами республик бывшего СССР – в период с 2001 по 2017 г. их число составило около 2,2 млн (Рязанцев, 2018).

Миграционный прирост в Ростовской области за счет государств – участников СНГ в 2019 г. составил 14 508 чел. против 1 486 в 2018 г. «Это произошло за счет увеличения, по сравнению с 2018 годом, числа прибывших на 12 008 человек (или в 2,3 раза) и сокращения числа выбывших на 1 014 человек (на 13,1 %), а число прибывших из стран дальнего зарубежья превысило число выбывших в эти страны на 638 человек» (В Ростовскую область в 2019 году ... , 2020).

В целом миграционные потоки и структура миграционного прироста в Ростовской области соответствуют общероссийским тенденциям: основными странами-донорами в структуре миграционного прироста Ростовской области являются Украина (68,4 %), Армения (12,4 %), Таджикистан (4,4 %), Азербайджан (3,5 %), Узбекистан (2,8 %), Казахстан (2,1 %), Грузия (1,6 %). Остальные страны – менее 1 % (рисунок) (Миграционный прирост, 2020).

Доля стран в структуре миграционного прироста в Ростовской области в период 2015–2018 гг., %

Как правило, приезжающие из других стран в качестве локации выбирают административный центр области и прилегающие к г. Ростову-на-Дону муниципальные районы и города (Аксай, Батайск, Новочеркасск, Шахты, Таганрог, Мясниковский, Неклиновский районы), что усиливает имеющееся распределение трудовых ресурсов в региональном

пространстве и дисбаланс в численности городского и сельского населения региона (Пантелеев, 2020).

Наряду с процессами миграционного прироста в регионе не менее важным фактором формирования отношения к мигрантам является высокий уровень преступности среди мигрантов, сохраняющийся на протяжении несколько лет и получивший отражение как в публичных выступлениях губернатора Ростовской области, так и в региональных СМИ (Панорама, 2020).

В частности, летом 2020 г. в региональных СМИ была опубликована информация, отражающая противоправный характер событий, участниками которых выступали мигранты. Первый сюжет – о криминальных практиках по изготовлению поддельных документов для мигрантов, второй – о проведении спецоперации по поиску незаконных мигрантов, в ходе которой были обнаружены 64 человека, находящиеся в стране незаконно и проживающие по фиктивным документам (161.ru, 2020).

К важному событию, определившему информационную повестку и контент блогосферы в исследуемый период в Ростовской области, можно отнести появление стихийного палаточного городка в начале сентября 2020 г. на станции Первомайская в Ростове-на-Дону. В частности, пост от 25.09.2020 во «ВКонтакте» (группа «Ростов Главный» – новости Ростова-на-Дону, 554 084 подписчика, СМ-индекс: 499) получил 82 «лайка», 2 репоста и 50 комментариев.

В федеральных и региональных СМИ данное событие отражалось с нескольких позиций:

– констатация факта (*«В Каменске-Шахтинском сворачивают палаточный лагерь мигрантов из Узбекистана». «Вчера последних 600 иностранцев автобусами вывезли в Волгоградскую область, откуда они проследуют на родину – в Ташкент». «После демонтажа территорию лагеря дезинфицируют». «За все время работы лагеря в нем проживало более 3,2 тыс. граждан Узбекистана, которые ожидали отъезда на родину»*);

– оценка события, имеющая негативную коннотацию (*«Палатки были разбиты на газонах и тротуарах, на сложившуюся антисанитарную обстановку начали жаловаться жители Ростова-на-Дону»*);

– в контексте действия/бездействия региональных властей и муниципалитетов (*«Власти Ростова начали оказывать гуманитарную помощь несчастным узбекам на станции Первомайская. Всех ожидающих перевезут на станцию Лихая, в Каменск-Шахтинск». «Граждан Узбекистана, которым не хватило места в покинувшем Ростов поезде, утром 9 сентября отправят в специализированный лагерь под Камен-*

ском-Шахтинским, сообщил корреспонденту 161.ru исполняющий обязанности главы администрации Ростова Юрий Овчинников». «По поручению губернатора области Голубева, правительством области совместно с администрацией Ростова решается вопрос с массовым прибытием граждан Узбекистана на вокзал станции Первомайская»).

Содержательно-эмоциональные характеристики контента виртуальных социальных сетей в отношении мигрантов и миграционных процессов в Ростовской области

Классификация выделенных сообщений с упоминанием слов «мигрант» и «миграционные процессы» показала противоречивый характер отношения к мигрантам с ярко выраженным уклоном в сторону негативного восприятия и негативной коннотации их использования. Контекст использования слова «мигрант» характеризуется форматом вербального эмоционально окрашенного спора, при котором участники общения прибегают к оскорблениям в качестве последнего аргумента. Негативная коннотация использования слова «мигрант» проявляется в виде обращения в сочетании с ненормативной лексикой с целью оскорбить и принизить оппонента (*«ты здесь мигрант и никто, там пошло для колхозников... и мигрантов»*), подчеркнуть низкий социальный статус человека или его бесправное положение в условиях принимающего сообщества: наиболее часто встречающееся сравнение – сравнение с дешевой рабочей силой (*«мигранты же – это же дешевая рабсила, работают за миску каши и койко-место»*). Упоминание мигрантов встречается в одном ассоциативном ряду с неграмотностью, необразованностью человека и непрестижными видами деятельности (*«каким-нибудь мигрантам и бросившим деревню ради высоких перспектив деревенским недоучкам, менеджерам, курьерам, операторам, агентам...»*, *«...а вы много видели среди мигрантов учёных, инженеров и бизнесменов?»*).

Негативное восприятие мигрантов определяется и поведенческими практиками представителей данной группы, которые жители области определяют с использованием, например, таких слов, как «наглые», «борзые» (*«мигранты в XXI веке везде ведут себя наглее, чем коренные жители»*, *«...так тебе и говорят про борзых мигрантов»*), а также оцениваются как люди, способные на преступление (*«Граждане, не будьте равнодушными, ведь следующей жертвой голодных мигрантов можете стать вы и ваши близкие!»*).

Позитивное восприятие миграции и конструктивное отношение к мигрантам также зафиксированы в сообщениях жителей Ростовской области, хотя и в меньшей степени. Позиция этой части пользователей ха-

рактируется переключением с позиции обвинения мигрантов в социальных и демографических проблемах российского общества на позицию гражданской и социальной ответственности самих местных жителей («Согласитесь: приезжие не мешают людям коренной национальности рожать по 10 детей и жениться только на своих... Не из-за приезжих ведь у вас нет хотя бы троих детей, не так ли?») или институтов государственной власти («У меня сосед 9400 получает. Дворник. У него шесть домов. При чем тут мигранты? Государство виновато в том, что на улицах нет дворников»).

Иногда пользователи дают положительную оценку национальным чертам целой этнической группы («А что касается мигрантов из Средней Азии, это безобидный, трудолюбивый народ»). Рациональный мотив отношения к мигрантам встречается при оценке практической пользы от деятельности мигрантов и их вклада в развитие экономики («Что Россия будет делать без мигрантов? Зарастёт грязью, стройки все встанут, маршрутки и автобусы останутся без водителей, урожай пропадёт на корню... мигранты – наше спасение»), а также перспектив реализации миграционной политики государства, ориентированного на привлечение квалифицированных специалистов, компетенции которых востребованы российской экономикой («И тем, что в этой стране будут бить людей на улицах за неправильные черты лица, вы только отпугнете нормальных трудовых мигрантов, таких как, например, хорошие ученые, инженеры, бизнесмены»).

Негативные комментарии о поведенческих характеристиках мигрантов, а также событиях и процессах, в которых они задействованы, могут быть проявлением неосознанного страха, лежащего в основе ксенофобских настроений жителей Ростовской области, и связаны с фактором социальной дистанции, сформированной на основе культурных, конфессиональных различий, подкрепляемых на уровне как повседневного взаимодействия, так и конструирования социальных смыслов политическими институтами.

В некоторых случаях пользователи социальных сетей демонстрируют более выраженные признаки ксенофобии по отношению к мигрантам, чем к представителям этнических и конфессиональных групп, имеющих правовой статус граждан РФ. В этом контексте общий правовой статус гражданина Российской Федерации является в представлениях жителей Ростовской области фактором, компенсирующим этнокультурные различия и сокращающим социальную дистанцию между русскими и представителями этнических групп, проживающих, например, в республиках Северного Кавказа («...есть проблема мигрантов, которая

намного опаснее Кавказа, потому что это люди другой ментальности, и когда их станет много, то проблемы будут и у вас, и у нас. Недавно чеченец писал, что на него напало 30 мигрантов и помогли отбиться турок и русский»). Проявления ксенофобии отражаются и в эмоционально насыщенном восприятии мигрантов, и в представлениях о гипертрофированных масштабах миграционных процессов и значительно преувеличенном количестве мигрантов в регионе («МФЦ на Казахской – это совсем не то же самое, что МФЦ на Б. Садовой. Там миллионы мигрантов из Средней Азии с миллионом детей приходят за пособиями»).

В ряде комментариев пользователи социальных сетей используют слово «мигрант» в качестве имени нарицательного в контексте «причина всех бед», даже в случаях, не имеющих к действиям мигрантов никакого отношения, например, в подорожании лекарств, необходимых для лечения коронавируса («да, да, это все из-за мигрантов», «даже раков местных и то вытесняют мигранты», «ну давайте опять будем винить во всём меньшинства: мигранты, геи, либералы, кого там ещё любят»).

Смысловые локусы восприятия мигрантов и миграционных процессов в дискурсивном поле виртуальных социальных сетей

Анализ контента виртуальных социальных сетей позволил выделить несколько локусов восприятия мигрантов и дифференцировать их в зависимости от фактора, опосредующего отношение пользователей социальных сетей к мигрантам и миграционным процессам в российском обществе. Персонализированное отношение к мигрантам определяется характером (негативным/позитивным) отношения к определенным социальным институтам или объективным социальным процессам и фактам, которые выступают раздражающими факторами и реальной причиной социальной депривации населения региона.

Первый смысловой локус связан с упоминанием мигрантов в контексте общей оценки деятельности государственной власти: как явление, не одобряемое на уровне повседневной жизни и рассматриваемое как результат деятельности власти («Мигранты же – это дешевая рабсила, да и их навязали, а не просто так набежали». «Мы же нуждаемся в мигрантах, как было сказано. Вот и обеспечиваем их работой». «Задача “власти” – заменить русских на чурок». «И кто их миллионами завозит, об этом знают». «На колени перед мигрантами скоро встанут...» «...Правительство и мигранты – враги русского народа». «...Население вымирает как на войне... сократилось миллионов на 10. Это не так заметно только из-за притока мигрантов». «Да перед выборами типа порядок с мигрантами наводят. Выборы пройдут – все вернутся с семья-

ми и гражданство получают») и реализации целенаправленной политики, не учитывающей мнения населения («...Мигранты – это всего лишь следствие политики! Не было бы такой политики и политиков, то и мигрантов бы не было». «...Понимание того, что мигранты – это следствие антинациональной политики, не заставит меня их любить, я их всё равно ненавижу». «Своих изничтожают, а всех мигрантов привечают»). Последний комментарий был к сообщению о том, что 13 октября 2020 г. вступает в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации”»^{*}.

Второй смысловой локус содержит ориентацию на социально-экономические процессы – повышение цен, рост социального неравенства, снижение доходов и понижение покупательной способности («А зарплаты не увеличиваются, а падают из-за притока мигрантов и удешевления труда. Налоги и сборы растут, наоборот... Просто как раз благодаря таким мигрантам, готовым работать за пайку хлеба, обесценивается труд»). Отношение к мигрантам в данной группе мнений определяется также практиками, реализуемыми в рамках экономических институтов, в том числе субъектами экономической деятельности («Вы серьезно думаете, что рабочие места у наших все это время отбирали выходцы из Средней Азии? А может, это все жадные работодатели, которым проще нанять на работу мигранта и платить ему три копейки, чем русского Ваньку, вечно просящего больше?» «У нас сейчас очень много молодых пенсионеров с пенсией 12–15 тыс., они с удовольствием пошли бы убирать дворы, как и наши бабушки и дедушки в свою бытность убирали и справлялись не хуже, чем эти мигранты». «...Всегда знал, что от них безработица, понижение зарплат и беспредел с криминалом»).

Третий локус привязан к демографическим процессам, которые в российском обществе воспринимаются через призму естественной убыли населения, его старения и снижения доли экономически активного населения («Мигранты сменяют, а нас, судя по рождаемости и смертности, уже не будет! Мрачновато, конечно, но тенденция очевидна!» «Тут речь даже не о преступности, а о самом существовании русского народа и страны». «Думаю, пройдишь Вы вечером в местах их компактного проживания, по-другому бы запели... И дело не только в преступности. А в планомерной замене титульного населения. Везут их пачками, рожают больше, не страдают, как русские, излишней толе-

^{*} Законопроект № 938282-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации” в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/938282-7>.

рантностью. И в местах их компактного проживания вытесняют русских даже с их земли»).

В коллективных представлениях жителей Ростовской области мигранты воспринимаются как часть общих социально-экономических проблем, характерных для российского общества, наряду с развалом страны, социальным неравенством, выраженным в критичной разнице между доходами различных групп населения (при этом особенно острая реакция характерна для оценки уровня доходов и поведения чиновников), нечестными практиками предпринимателей и низким уровнем оплаты труда наемных работников.

Четвертый локус восприятия связан с ростом уровня преступности и нарушением базовой потребности в безопасности («Потому что больше 70 % преступлений совершаются мигрантами или попросту людьми неславянской национальности... ну, то, что люди пишут “чурки”, их тоже можно понять, они устали от этнической преступности, поэтому уже без разбора судят, что тоже не очень умно.... ты посмотри на данные по этнической преступности в процентном соотношении, например в Москве»). В частности, комментарий «Голодные *churki*-мигранты активизировались и “работают”» был к сообщению о грабеже в одном из спальных районов г. Ростова-на-Дону: «На Суворовском, в районе Платона Кляты, 15, ночью автоворы разобрали “мерседес” С-класса. Сняли крышку багажника, все двери, подушки безопасности, сиденья, экран и пр.» Само сообщение не содержит указания на социальную или этническую принадлежность совершивших грабеж, однако пользователи конструируют реальность, опираясь на сформированное собственное негативное отношение к мигрантам.

Пятый локус носит событийный характер и соотносится с актуальными для данного периода фактами в жизни большинства людей, например повышение пенсионного возраста («Возраст повысили, чтобы мигрантам пенсии платить... Нужно защищать социально своих пенсионеров») или распространение эпидемии коронавируса («Может и правильно, что мигрантов отправляют домой? Лишний очаг заражения нам сейчас ни к чему. Из-за мигрантов у нас в Ростовской области такое число заболеваний COVID-19, почему у нас открыли границы?»).

Отдельным смысловым локусом напряжения в отношении мигрантов является положение русских и отношение к ним в других странах, в частности в бывших республиках СССР. Пользователи социальных сетей при артикуляции своего отношения к мигрантам обращаются к фактору исторической памяти, которая содержит представления о нарушении принципа социальной справедливости в отношении своей этниче-

ской группы в иноэтническом окружении, приводя в качестве примера события начала 90-х гг., в период обострения межэтнических отношений, роста ксенофобии и этнических конфликтов после распада СССР («...Так хочется побыть без толпы мигрантов, которые сначала резали русских, а теперь прутся работать в РФ...») «И, конечно, вопрос притеснений славян у себя дома в начале 90-х вы упустили. Они не задавались такими вопросами», «...Гляньте: сводки, совершаемые мигрантами преступления. Где 5 “не таких” напали на сына и отца, идущих из магазина. А также загрузите, что стало с русским населением в их странах после распада Союза». «...Мы сами в своей стране разберёмся, поэтому вопрос остаётся открытым: кто ответит за убийства, оскорбления и унижения русских после 1991 г. в республиках Средней Азии?» «...Пойди скажи всем русским людям, которых в Средней Азии в 90-х без причин выгоняли с работы, отжимали жильё, похищали, грабили, убивали, на улицах, в людей с русыми волосами летели камни и т.д. ... пойди скажи им, что всё то, что с ними произошло, – это.... с ним». «...Бери мигрантов на работу, только не удивляйся, когда через 20 лет их станет так много, что ты им будешь платить, чтобы тебя не прикончили или вообще выгонят, как после 1991 г., со всех национальных республик...»).

То есть социальное неблагополучие или восприятие своей жизни в категориях неблагополучия, неудовлетворенность базовых потребностей человека как причины формирования и закрепления неприязни к мигрантам определяют важность решения внутренних проблем социально-экономического и управленческого характера, особо остро переживаемых населением региона и воспринимаемых через призму нарушения принципа социальной справедливости.

Заключение

Анализ контента социальных сетей, пользователями которых являются жители Ростовской области, позволяет говорить о противоречивом характере отношения к мигрантам, с преобладанием негативного восприятия представителей данной социальной группы.

При этом структура мнений основана не на прямой (местный житель – мигрант), а генерализованной (местный житель – представитель власти / работодатель / полиция – мигрант) системе коммуникаций, опосредованной включенностью и деятельностью институциональных структур.

Смысловые локусы восприятия мигрантов и миграционных процессов жителями Ростовской области формируются вокруг таких социальных категорий, как «государство», «власть», «политика», «экономи-

ческие институты», «субъекты экономической деятельности», «естественная убыль населения», «преступность», «пенсионная реформа», «пандемия», «историческая память».

В дискурсивном поле виртуальных социальных сетей негативный контекст упоминания мигрантов определяется уязвимостью положения местного населения: экономическими проблемами, связанными с ростом налогов, снижением доходов и покупательной способности, ростом преступности, ограничением доступа к ресурсам, дефицитом рабочих мест, соответствующих уровню квалификации соискателя. Такой репертуар социальных проблем, обозначенных пользователями проанализированных социальных сетей, снижает качество жизни и уровень удовлетворенности населения региона, что влияет на характер отношения жителей региона к мигрантам и усиливает его негативную составляющую.

Таким образом, решение задач по экономическому развитию российского общества, в том числе проведением эффективной миграционной политики, возможно не только при регуляции административно-правового аспекта миграционных процессов, но и при формировании позитивного отношения среди местных жителей к мигрантам посредством не только конструирования положительного образа в социализирующих институтах российского общества (СМИ, школа, вуз), но и принятия правильных управленческих решений, проведения эффективной кадровой политики, контроля за открытостью в деятельности региональных чиновников, создания условий для развития институтов гражданского общества, обеспечения функциональности социальных лифтов и условий равного доступа к ним, т. е. наладить работу в сферах, особо остро переживаемых местными жителями как несправедливые.

Литература

В Ростовскую область в 2019 году мигрировали 13,5 тыс. человек. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4314306>.

Говорит Ростов. Режим доступа: <https://vk.com/govorit.rostov>.

Гошин И. В Ростовской области рост преступности среди мигрантов вырос кое-где почти вдвое. 29.02.2016. Режим доступа: <https://www.panram.ru/news/politics/v-rostovskoy-oblasti-rost-prestupnosti-sredi-migrantov-vyros-koe-gde-pochti-vdvoe/>.

Миграционный прирост // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Режим доступа: <https://>

References

13.5 thousand people migrated to the Rostov region in 2019. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4314306>. (in Russian).

Rostov speaks. Available at: <https://vk.com/govorit.rostov>. (in Russian).

Goshin, I. (2016). In the Rostov region, the growth of crime among migrants has almost doubled here and there. Available at: <https://www.panram.ru/news/politics/v-rostovskoy-oblasti-rost-prestupnosti-sredi-migrantov-vyros-koe-gde-pochti-vdvoe/>. (in Russian).

Migration growth. Unified Interdepartmental Statistical Information System (EMISS). Available at: <https://www.fedstat>.

www.fedstat.ru/indicator/46162.

На Дону полиция накрыла сеть, которая делала мигрантам паспорта для нелегального въезда в Россию // 161.ru. Режим доступа: <https://161.ru/text/criminal/69360031/>

О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: законопроект № 938282-7. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/938282-7>.

Подслушали в городе Шахты. Режим доступа: https://vk.com/podslushano_shahty.

Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111.

Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 118–126.

Пантелеев В. Г., Печкуров И. В. Международная миграция как источник воспроизводства демографической ситуации (на примере Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 2. С. 216–224.

Папня К. От изоляции – к миграции. Как эпидемия скажется на мобильности населения // Ведомости. 2020. 3 июня. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/06/03/831861-izolyatsii-migratsii>.

161.ru. Режим доступа: <https://161.ru>.

[ru/indicator/46162](http://www.fedstat.ru/indicator/46162). (in Russian).

On Don, the police covered the network that made migrants passports for illegal entry into Russia. *161.ru*. Available at: <https://161.ru/text/criminal/69360031/>. (in Russian).

On amendments to the Federal law “On citizenship of the Russian Federation” in terms of simplifying the procedure for admission to citizenship of the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons: Draft law No. 938282-7. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/938282-7>. (in Russian).

Overheard Shakhty. Available at: https://vk.com/podslushano_shahty. (in Russian).

Ryazantsev, S.V. (2018). Integration of migrants in the context of Russia's external migration policy. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1, 105-111. (in Russian).

Ryazantsev, S.V. (2019). Modern migration policy of Russia: problems and approaches to improvement. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 9, 118-126. (in Russian).

Panteleev, V.G., Pechkurov, I.V. (2020). International migration as a source of reproduction of the demographic situation (on the example of the Rostov region). *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 9, 2, 216-224. (in Russian).

Papnia, K. (2020). From isolation to migration. How the epidemic will affect population mobility. *Vedomosti*, June 3. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/06/03/831861-izolyatsii-migratsii>. (in Russian).

161.ru. Available at: <https://161.ru>. (in Russian).

Поступила в редакцию

23 сентября 2020 г.